

-----□□-----

Георгина посмотрела на Исаака глазами, полными удивления, затем ее губы шевельнулись, и она разразилась смехом.

Это было потому, что молодой господин был таким наивным.

Почему он так старался с таким безвкусным лицом? То, как он постоянно отпускал шутки, которые не были шутками, было забавным и милым.

Как он мог обручиться со служанкой?

Молодой господин перед ней был мальчиком, который только вырос в размерах, но еще не созрел умственно. Георгина уже знала, что в подростковом возрасте больше всего жаждут приветливого отношения и добрых слов, поэтому такую любопытную особу, как она, было легко боготворить.

"Очень хорошо."

На лице Айзека медленно промелькнуло удивленное выражение, которое не выражало никаких эмоций. Хихикнув, Георгина добавила скрытным тоном.

"Хорошо. В таком случае, в тот день, когда молодой мастер проведет церемонию своего совершеннолетия. Если к тому времени ты не передумаешь, пожалуйста, сделай мне официальное предложение".

Георгина встала и подняла руку, чтобы нежно коснуться щеки Исаака.

"Возможно, молодой господин передумает, когда придет время".

От ладони, гладившей его щеку, исходил аромат, напоминающий весну.

Исаак уставился на нее затуманенным взглядом и расслабил руки, сжимавшие его бедра.

Слова, которые она произнесла игривым тоном, заполнили его разум и затуманили сознание.

"Тогда, молодой господин, я закончила с уборкой, поэтому я уйду".

Георгина без колебаний убрала руку, встала со своего места и взяла свою коробку с инструментами для уборки, которая стояла перед диванным столиком. После того, как она исчезла через дверь с приветствием: "Пожалуйста, отдыхайте", Айзек остался сидеть перед столом.

Минута превратилась в десять, а десять минут - в час. Даже с течением времени душа, вылетевшая наружу, не могла вернуться на прежнее место.

"Пожалуйста, сделайте мне официальное предложение..."

"...Серьезно..."

Айзек, ошарашенно смотревший на стол, снова взял ручку и начал механически двигать рукой.

С каракулевым звуком на листе бумаги начали появляться буквы.

'Новая интерпретация утилитаризма'. Плотные набитые предложения, заполнявшие книгу, были перенесены на новое место тонкими пальцами. В отличие от красивой надписи, зрачки, следящие за строчками текста, сильно расширились и оживленно двигались.

[...Повышать счастье других, жертвуя собственным счастьем, - это доказывает несовершенство общества].

Исаак бессознательно подставил себя в текст.

'Моя жертва - твоё счастье. Если ты всё ещё ищешь выход из удручающей реальности, которую никто не может терпеть'.

[Но в таком обществе не следует забывать, что их жертва - лучшая добродетель в обществе].

'В такой реальности... Если я могу дать вам счастье, жертвуя собой'.

'...Если реальность того, что я люблю тебя, можно рассматривать как добродетель'.

'Подобно тому, как недовольный человек более достоин, чем довольная свинья. Возможно, жизнь в продвижении к тебе, даже если мне придется бродить по грязи, была бы гораздо более ослепительной, чем жизнь как мертвого в тени реальности'.

'Рядом с тобой, чтобы быть вместе навсегда'.

'...Что мне делать?'

'Я начал с нетерпением ждать жизни'.

"Глупая Георгина".

Как она могла бездумно сказать что-то вроде "пожалуйста, сделай мне предложение", не имея ни малейшего представления о его отчаянии?

Не зная, насколько настойчив этот молодой господин, не зная, насколько он мрачен и извращен. Говорить о симпатии так легкомысленно, а теперь...

"Возможно, мнение молодого господина изменится, когда придет время".

Горькая улыбка появилась на его губах, когда этот шепот зазвучал в его голове.

Эта наивная служанка считала его обычным ребенком. Она говорила о помолвке с детским

сердцем. Она считала эти слова мимоходом сказанными незрелым молодым господином.

'Что ты собираешься делать?'

'Теперь ты для меня единственная'.

'Внутри пустое пространство уже создано для вас. Здесь не будет никого, кто мог бы войти, кроме тебя'.

'Несмотря на это, ты все еще так легко говоришь о будущем'.

"Почему ты просто не улетел, когда я мог тебя отпустить?"

Он издал тоскливый вздох и потер глаза. Жидкость, состав которой был неизвестен, будь то слезы, эмоции или и то, и другое, вытекла из его горячих глаз, отчего они начали щипать.

Ничего особенного.

...Хотя он знал, что это бессмысленно, он все равно был таким.

Несмотря ни на что, Айзек ненавидел себя за то, что стал несчастным из-за нескольких ласковых слов. С трудом подавив свои эмоции, Айзек продолжал двигать руками с вялым лицом.

Мучения, наполнявшие его разум, постепенно утихали, чем больше он двигал руками. Тем не менее, голос Георгины продолжал звучать как фоновый шум в уголке его сознания.

Айзек продолжал писать еще долгое время и пришел в себя только после того, как его комната окрасилась светом заходящего солнца. Из ступора его вывела не загадка заходящего солнца, а неожиданный гость, появившийся за дверью.

"Я слышала, что на следующей неделе ты поедешь с отцом на границу".

Карла подошла к столу, изящно откидывая назад белую накидку. Не успел он оглянуться, как пошел снег, и снег, который по цвету был светлее, чем белая накидка из соболиного меха, скопился на ее плечах.

"Что привело тебя сюда?"

"Почему? Потому что ты продолжал делать то, что на тебя не похоже, вот я и пришла посмотреть, что за коварный план ты задумал. Почему ты такой прилежный в эти дни?"

"Быть прилежным - это странно?"

"Конечно. Если тот факт, что мальчик, который жил как мертвый, вдруг стал появляться повсюду, не является странным, то что тогда можно считать странным?"

Исаак постучал кончиком пера по краю раскрытой книги, а затем медленно открыл глаза.

"Почему?"

Вас попросила герцогиня присмотреть за тем, что я делаю?"

Он думал, что Карла вдруг рассердится, или пробормочет что-то и воздержится от ответа, но она просто смотрела на него затуманенным взглядом.

"Разве тебе не повезло. У матери сейчас нет времени интересоваться тобой".

Слова, которые она произнесла вяло, были наполнены страданием. Когда Айзек вспомнил недавнюю ситуацию с герцогиней, о которой ему рассказала Георгина, его глаза медленно расслабились.

"Я слышал, что вы были заняты подготовкой к помолвке, похоже, что вы очень заняты?"

"Это само собой разумеется. Осталось всего три месяца. Нужно поздравить Тайный совет и отправить приглашение. Это первая церемония помолвки нашего поколения, поэтому столы, посуда и столовые приборы должны быть в полном порядке".

Карла неторопливо смотрела на книжную полку, скрестив руки. Увидев аристократический сборник, пристроенный в углу, она не смогла удержаться от смеха.

"Давненько я не читала эту книгу. Знаете ли вы, что семья с самой длинной историей в этой книге - Эуфгеншульты?".

Аккуратно наманикюренные ногти крепко сжали корешок книги. Вскоре на бархатной обложке появились длинные следы от ногтей.

"Поскольку это церемония помолвки Эуфгеншульта, благородного среди благородных, должно быть много поводов для беспокойства. Мать изначально была человеком, который дорожит репутацией семьи, тебе это должно быть совершенно ясно".

"Ты говоришь об этом так, будто это чужое дело, хотя это твоя собственная церемония помолвки".

"Это потому, что мне кажется, что это не мое дело. Единственное, что им там нужно, это не Карла, а Карла Юфгеншульт. Вместо этого, меня не будут провоцировать следующие пять лет, если я буду следовать его указаниям."

Исаак, который все это время не отрывал глаз от книги, поднял голову с любопытным взглядом.

"Так это было условие?"

"Да".

"Вы думаете обручиться с человеком, который вам даже не нравится, только для того, чтобы насладиться этой минутной свободой? Разве у тебя нет человека, который тебе нравится?"

Айзек поднялся со своего места и заговорил безразличным тоном. Карла погладила свои туго заплетенные волосы и смотрела, как Исаак приближается.

"Это потому, что нет другого выхода. Я думала, что смогу заработать хотя бы пять лет... Я сделала все возможное для своей доли".

Как единственная дочь Эуфгеншульты, сливок аристократов Республики, Карла не имела себе равных в золоте. Было просто смешно, что она отложит в сторону знатных дворян, чтобы выйти замуж по любви.

Если бы Карла была обычной девушкой, у нее могло бы возникнуть романтическое представление о побеге по любви, но она была Эуфгеншульт. Карла не могла набраться храбрости, понимая, что это имя слишком велико, чтобы от него отказаться. И она, и Айзек прекрасно понимали, что в действительности компромисс был лучшим выбором.

"Карла".

На тихий оклик Карла перевела взгляд на Айзека. Он достал из кармана аристократический сборник с пометками на ногтях и начал его перелистывать.

"Тебе нравится платье для помолвки?"

"Почему ты вдруг заговорил о платьях?"

Карла посмотрела на своего младшего брата с лицом, полным подозрения, прежде чем заговорить, придвинувшись к дивану.

"Оно было неплохое. Зря ты показываешь его свински настроенному молодому лорду".

"...Хм."

"Почему вдруг это платье?"

"Просто. Я хочу твое платье".

Как раз когда она собиралась занять место на диване, Карла повернула голову к Исааку, приседая от его внезапных слов. Исаак не обратил никакого внимания на ее вопросительный взгляд и продолжал смотреть только на аристократический сборник.

Карла поднялась со своего места и открыто задала свой вопрос.

"О чем ты говоришь?"

"Все так, как я уже говорила".

"Ты это... нет, я никогда не слышала, что у тебя такие вкусы. Я знала, что ты не нормальный, но... ты ведь не пробудился от этого странного вкуса?"

Хотя ее вопрос был задан со всей серьезностью, Исаак нашел что-то забавное и разразился смехом до такой степени, что задрожал, согнувшись в талии.

Радостный вид, который она увидела впервые за долгое время, заставил Карлу снова нахмурить брови. На лице Айзека все еще играла улыбка, и он помахал Карле рукой, как бы прося ее не понимать неправильно.

"Мои слова могли ввести в заблуждение. Я не это имел в виду... Когда мы говорили о помолвке, я думал о платьях".

Айзек приблизился к Карле, одновременно потирая рукой уголки своих опущенных глаз. Медленно приближающееся лицо вызвало у Карлы недовольное выражение.

Он мог быть похож на герцога, но его внешность была более великолепной, без легкомысленного чувства, которое, вероятно, было унаследовано от его матери-проститутки.

Поскольку его внешность была чрезмерно гениальной, даже чувство отчуждения возникало в уголках ее груди каждый раз, когда она видела его.

"Разве мне не нужны деньги, чтобы устроить такую же гламурную помолвку, как у вас? Я тоже не думаю, что смогу продолжать так жить".

"О чем ты говоришь?"

Под прямыми ресницами глаза, которые ярко блестели, сузились в кривые, когда он мягко улыбнулся.

"Ты спрашивала о том, почему я так старателен в эти дни. Я тоже хотел жить правильно".

----□□----

<http://tl.rulate.ru/book/64575/2132834>